

Х212/414
М-17

Ср. Федор 45 213

Н. А. Максимейко.

~~340~~
М-17 р.ч

~~346(29)(47:7)~~

34(42)
М-17 - р.ч

~~М 17~~

Рад Буд.

РУССКАЯ ПРАВДА

И

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ПРАВО.

ПЕРЕДПЛА
БЕР... 820 р.

345

КИЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко. Пушкинская ул., домъ № 4.
1904.

ХАРЬКОВЪ
А. ДРОЕДЕРЪ
-20-
A. DROEDER
CHARKOW

15 жкз.

Ларсиса Н.В.

34 (48)

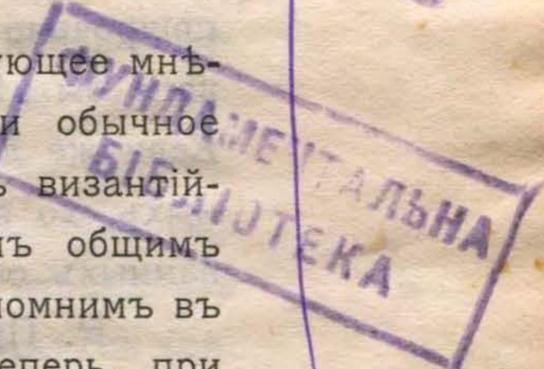
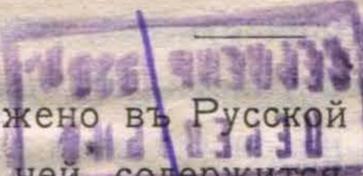
М-17-р

ПРОСМОТРЕНО
19 7 11
86

Русская Правда и литовско-русское право ¹⁾.

Какое право выражено в Русской Правде? Господствующее мнение отвечает, что в ней содержится русское уставное и обычное право с некоторой примесью статей, заимствованных из византийских источников. Едва ли можно удовлетвориться таким общим ответом на предложенный вопрос. В самом деле, припомним в бѣглыхъ чертахъ состояніе древне-русскаго права. Если теперь, при господствѣ законодательства и государственнаго единства, все же не существуетъ единаго общерусскаго права, то въ старину и подавно. Тогда жили по обычному праву, а оно отличается въ высокой степени свойствомъ мѣстнаго разнообразія. Такъ, нашъ лѣтописецъ говоритъ о различіи въ обычаяхъ у полянъ, древлянъ, сѣверянъ и др. племенъ. Но еще лучшимъ свидѣтельствомъ мѣстнаго разнообразія въ древне-русскомъ правѣ являются уставныя грамоты Литовскаго и Московскаго государствъ, которыя выдавались правительствомъ отдѣльнымъ землямъ. Изъ нихъ видно, что каждая земля имѣла свое особое право. Надо имѣть въ виду, что уставныя грамоты относятся къ эпохѣ сравнительно поздней, главнымъ образомъ, къ 15 и 16 в.в., когда государственное объединеніе земель сдѣлало уже значительные успѣхи. Что же было раньше, при полной политической ихъ разобщенности, когда составлялась Р. Правда? Замѣчается также разнообразіе русскаго права и по районамъ болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ отдѣльныя княжества;

до отбывания 68.
2170
909
М.В.В.

¹⁾ Въ основѣ этой статьи лежитъ докладъ, читанный авторомъ на XII археологическомъ съѣздѣ. Но въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: съ одной стороны выброшено разсужденіе объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой по Русской Правдѣ сравнительно съ литовско-русской пыткой; съ другой стороны, прибавлено нѣсколько страницъ, посвященныхъ вопросу о мести, личныхъ наказаніяхъ и объ ответственности общины по Р. Правдѣ.

Перевірено
2002
ВРК

при чемъ это разнообразіе характеризуется болѣе рѣзкими и устойчивыми отличительными чертами. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ исторіи русскаго права три правовыхъ системы: 1) право Сѣверо-восточной Россіи, выразившееся въ московскихъ Судебникахъ и въ Уложеніи 1649 г.; 2) право Литовской Руси, лучшимъ воплощеніемъ котораго является Литовскій Статутъ, и 3) право Сѣверо-западнаго края кодифицированное въ Судныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова.

Достаточно ли, при такихъ различіяхъ русскаго права, сказать что въ Р. Правдѣ отражается древне-русское право? Нѣтъ, всякій въ правѣ ожидать болѣе точнаго и детальнаго опредѣленія. Можетъ быть одно изъ двухъ: или право Р. Правды сборное, компилятивное, разномѣстное и въ такомъ смыслѣ общерусское, или же оно должно быть приурочено къ опредѣленной мѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы рѣшить, какая земля наложила свой отпечатокъ на Р. Правду. Если же для отвѣта на этотъ вопросъ не окажется надлежащихъ данныхъ, то по крайней мѣрѣ надо выяснитъ, къ какой изъ трехъ названныхъ системъ права принадлежитъ она.

Р. Правда заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на ту мѣстность, въ предѣлахъ которой примѣнялись ея нормы. Въ числѣ ея источниковъ названы уставы Ярослава Мудраго, его сыновей—Изяслава Святослава и Всеволода, и, наконецъ, Владиміра Мономаха. Ярославъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ, Владиміръ Мономахъ въ Черниговѣ, Переяславлѣ и Кіевѣ. Слѣдовательно, составитель Р. Правды включилъ въ нее законодательныя постановленія князей Южной Руси и отчасти Новгорода. Но преобладающій источникъ ея не законодательство, а судебная практика. Большинство ея статей взято изъ судебныхъ рѣшеній тѣхъ же князей, т. е. Ярослава Мудраго и его преемниковъ. Вотъ почему въ Р. Правдѣ часто говорится то о судѣ Ярослава, то о судѣ Ярославлихъ дѣтей. Итакъ, изъ обзора источниковъ Р. Правды слѣдуетъ, что содержаніе ея должно быть приурочено къ территоріи не одного, а нѣсколькихъ княжествъ. При этомъ необходимо замѣтитъ, что едва ли найдется много новгородскихъ элементовъ въ ея содержаніи, потому что уставная и судебная практика одного Ярослава Мудраго въ бытность его новгородскимъ княземъ не могла быть особенно значительна. Несравненно больше матеріала для Р. Правды должна была дать дѣятельность того же Ярослава и его преемниковъ въ Южной Руси. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему составитель сборника назвалъ его Русскою Правдой. Въ ту эпоху терминъ „русскій“ не обозначалъ всей терри-

торіи Россіи, а примѣнялся только къ названію Кіевской Руси. Въ такомъ же точно смыслѣ употребленъ этотъ терминъ Р. Правдой въ отношеніи къ сыновьямъ Ярослава—Изяславу, Святославу и Всеволоду, которые въ нѣкоторыхъ спискахъ ея названы русскими князьями.

Однако высказанныя соображенія нельзя считать достаточно вѣскими основаніями, чтобы опредѣлить мѣсторожденіе Р. Правды. Это все только намеки на рѣшеніе вопроса. Полная же разгадка его дается лишь при сличеніи Р. Правды съ литовско-русскимъ правомъ.

Такого рода сравненія не новость въ научной литературѣ. Но этотъ старый, уже испробованный, приѣмъ я нѣсколько модифицирую. Во 1-хъ, до сихъ поръ Р. Правда являлась пособіемъ для объясненія литовско-русскаго права; по отношенію къ послѣднему она играла служебную роль. Напр., проф. Э. И. Леонтовичъ сравнивалъ ее съ Литовскимъ Статутомъ для того, чтобы доказать необходимость включенія въ исторію русскаго права и литовско-русскаго законодательства. Я занимался такими же сличеніями съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить объемъ вліянія русскаго обычнаго права на Литовскій Статутъ (см. „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“) и т. д. Теперь мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы идти обратнымъ путемъ, т. е. отъ литовско-русскаго права къ Р. Правдѣ и въ первомъ искать свѣта для объясненія второй. Во 2-хъ, я не утверждаю, что существуетъ сходство только между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ; въ извѣстной мѣрѣ его можно найти и при сравненіи ея съ Псковской судной грамотой и московскимъ законодательствомъ. Иначе и быть не можетъ, потому что всѣ эти памятники суть мѣстныя варіаціи одного и того же, въ корнѣ своемъ тождественнаго, русскаго права. Но я имѣю въ виду указать не эти общія черты сходства, а спеціальныя особенности Р. Правды, сближающія ее съ правомъ литовско-русскимъ и, наоборотъ, отдаляющія ее отъ новгородско-псковскаго и московскаго права. Эти особенныя черты сходства дадутъ намъ основаніе высказать то положеніе, что родина Р. Правды находится на территоріи Литовско-Русскаго государства, что Р. Правда, заключающая въ своей основѣ общерусскія начала права, въ то же время примыкаетъ къ спеціальной ея вѣтви, именно—къ литовско-русскому праву.

Обратимся прежде всего къ постановленіямъ Р. Правды по уголовному праву.

Р. Правда рассматриваетъ увѣчье, какъ преступленіе противъ жизни, а не противъ здоровья. Увѣчье отнимаетъ у потерпѣвшаго полжизни, умаляетъ его вѣкъ на половину. Поэтому за увѣчье взыскивался

штрафъ, называвшійся полувирой. Такой же взглядъ на это преступленіе мы находимъ въ литовско-русскомъ правѣ. Слуга пана Миколая Ганшеевича изувѣчилъ паробка; судъ рѣшилъ: „если будетъ тотъ паробокъ на который члонокъ ображонъ, маеть за того паробка тотъ слуга заплатити за половицу человека полтрети копы грошей“²⁾. Судъ разсматривалъ жалобу берестейской мѣщанки и вынесъ такую резолюцію: такъ какъ „она рукою не владнеть, присудили есмо той мещанце за полневѣсты водлугъ того, ижъ вѣчне на руку хрома“ и т. д.³⁾. Такія же постановленія объ увѣчьѣ находимъ и въ Литовскомъ Статутѣ⁴⁾.

Въ Р. Правдѣ удары батогомъ, чашей, рогомъ и *тылесницей*, т. е. тупой стороной меча, считались не только преступленіемъ противъ здоровья, но въ то же время и оскорбленіемъ чести. Поэтому виновный платилъ особенно высокій штрафъ—12 гривенъ. Такъ же характеризуются эти дѣянія и въ судебной практикѣ великаго княжества Литовскаго въ 15 и въ началѣ 16 в. Напр., бояринъ Матей Яновичъ напалъ на Андрея Чеха „и почаль его бити кордомъ—*тыльемъ*“, т. е. тупой стороной меча. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ заплатить Андрею Чеху „за бой безчестье шляхетское водлугъ обычая 12 рублевъ грошей“⁵⁾.

Въ чемъ состоялъ институтъ мести по Русской Правдѣ? Проф. В. И. Сергѣевичъ въ послѣднемъ изданіи своихъ Лекцій и изслѣдованій (1903 г.) говоритъ: „по Русской Правдѣ мечь есть исполненіе, предшествующее приговору, а не слѣдующее за нимъ; Русская Правда сохранила указанія только на досудебную мечь“ (стр. 378). Высоко ставя научный авторитетъ В. И. Сергѣевича, я позволю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Основанія слѣдующія. Въ тѣхъ самыхъ спискахъ Р. Правды, которые говорятъ о мести за убійство, какъ о дѣйствующемъ правѣ (напр., Ак. сп., 1),—въ этихъ спискахъ въ то же время запрещается самоуправство: „или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а въ гнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечниці 12 гривнѣ“ (Ак. сп., 31 и 32). Если безъ разрѣшенія князя (судебной власти) нельзя было мучить, то тѣмъ болѣе нельзя было убить. Этотъ косвенный выводъ прямо подтверждается 38 ст. Акад. сп.: вора, пойманнаго и связаннаго, потерпѣвшій не въ правѣ

²⁾ Лит. Метрика, кн. III Судныхъ дѣлъ, л. л. 67—68.

³⁾ Лит. Метр., кн. III Судн. дѣлъ, л. 14.

⁴⁾ 1 ред., VII разд., 9 арт.

⁵⁾ Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, л. л. 34—36.

быль убитъ; онъ долженъ былъ вести его на княжій дворъ для суда. Я предвижу возраженіе: скажутъ, что статьи 1, 31 и 32, хотя онѣ и въ одномъ спискѣ, тѣмъ не менѣе относятся къ разнымъ эпохамъ, что ст. 31 и 32 записаны въ Р. Правду тогда, когда месть уже вышла изъ употребленія; слѣдовательно, на нихъ нельзя ссылаться при объясненіи 1-й статьи. На чемъ однако основано мнѣніе о разновременномъ происхожденіи названныхъ статей? Только на предвзятой мысли, что месть Р. Правды была актомъ самоуправства. Изъ такого основанія едва ли можно дѣлать какіе-либо выводы: месть Р. Правды есть величина неизвѣстная, которую надо еще опредѣлить. Далѣе, тексту разбираемой статьи о мести (Ак. сп., 1) въ нѣкоторыхъ спискахъ предшествуетъ заглавіе: „судъ о душегубствѣ“, а въ другихъ спискахъ она озаглавлена: „судъ Ярославль Володимеричъ о душегубствѣ“. Значитъ, убійцу судили; месть за убійство была слѣдствіемъ судебного опредѣленія, а не актомъ самоуправства. Тотъ же самый выводъ получается изъ сопоставленія 1-й и 2-й ст. Карамз. списка. Первая статья говоритъ о судѣ Ярослава Мудраго по дѣламъ о душегубствѣ. Судъ состоялъ въ томъ, что убійца подвергался мести со стороны родственниковъ убитаго. Статья вторая по этому поводу замѣчаетъ, что при сыновьяхъ его произошло измѣненіе въ судебной практикѣ. Они отмѣнили убіеніе за голову, назначавшееся прежде, и установили денежный выкупъ, а все прочее осталось попрежнему. Статья вторая находится въ непосредственной связи съ первой: отмѣняя ее, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ вспомогательнымъ источникомъ для истолкованія ея смысла. Очевидно, что месть 1-й ст. и есть то убіеніе преступника, которое имѣло мѣсто въ судебной практикѣ Ярослава Мудраго и было отмѣнено его сыновьями. Это—смертная казнь, но не въ современномъ смыслѣ этого слова. Она совершалась не исполнительными органами государства, а родственниками убитаго. Наконецъ, наше толкованіе института мести подтверждается лѣтописью. Оказывается, что точно такъ же смотрѣли на месть и современники Р. Правды. Подъ 1070 г. лѣтописецъ рассказываетъ о казни волхвовъ на Бѣлоозерѣ: воевода князя Святослава выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ, и они предали осужденныхъ смерти⁶⁾. По поводу половецкаго набѣга 1093 г. лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „ови ведутся полонени, друзіи посякаемы бываютъ, друзіи на месть даемы бываютъ, горкую смерть приемоюще“⁷⁾ и т. д.

⁶⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 313—314.

⁷⁾ П. Мрочекъ-Дроздовскій, Изслѣдованіе о Р. Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 14.